

Я.А. Барбенко

**Отношения русских крестьян и корейских
переселенцев на юге Дальнего Востока
во второй половине XIX – первой трети XX вв.¹**

**Relations of Russian peasants and the Korean immigrants in the south of the Far
East in second half XIX – first third XX centuries**

В предлагаемой статье автор анализирует отношения русских крестьян и корейских переселенцев на юге Дальнего Востока. Эти отношения носили неслучайный характер: русские и корейцы нашли взаимодополняющие формы сотрудничества, специфические для разных периодов дальневосточной истории.

Interaction of Russian peasants and the Korean immigrants in the south of the Far East had completely not casual character. It is possible to tell, that these two groups of the population supplemented each other under many characteristics, and at various times these characteristics had a different combination.

История Дальнего Востока до сих пор – это история его освоения. Первая волна тех, кто осваивал пространства русского Дальнего Востока – земледельцы. В Уссурийском крае первыми за земледелие взялись казаки и китайцы. Однако их распространение в крае было ограниченным: казаки расселялись вдоль границы, а китайцы выбирали удобные пятачки земли, чтобы накормить небольшое количество бродяг из Китая, занимавшихся здесь промыслами². Подлинное земледельческое освоение пришло на время расселения на юге Дальнего Востока русского крестьянства, а также на период корейской колонизации. Именно эти группы населения приступили к сплошной распашке пригодных для сельскохозяйственных целей земель сначала в Южно-Уссурийском крае, а затем и в районе среднего и нижнего течения Усури.

По стечению обстоятельств русская крестьянская и корейская земледельческая колонизация началась примерно в одно время: первые поселения русских крестьян и первые поселения

¹ Работа подготовлена при поддержке гранта Академии корейских исследований (AKS-2007-R-11)

² Пржевальский Н. Путешествие в Уссурийском крае. 1867 – 1869 гг. / Н.М. Пржевальский. – Владивосток: Дальневосточное книжное издательство, 1990.

корейских земледельцев возникли в Южно-Уссурийском крае в начале 60-х годов XIX в., однако долгое время ареалы массового расселения русских и корейцев практически не соприкасались. Массовое переселение корейцев в русские пределы началось на рубеже 60 – 70-х гг. и далее продолжалось по нарастающей¹. Наплыв русских крестьян в Уссурийский край начался с 1883 г.² Таким образом, хронологически русская крестьянская и корейская земледельческая (а она изначально и была земледельческой) колонизация совпадали по времени.

Относительно пространственного совпадения потоков можно отметить, что первые поселенцы из Кореи группировались в Посъетском округе – селениях Тихинхэ, Янчихэ, Сидими др.³ Вторая волна переселенцев в 70-е годы заняла (главным образом с подачи русской администрации) территории в долинах рек Суйфун, Лефу, Даубихэ, Цимухе, Сучана – селения Пуциловка, Кроуновка, Казакевичево, Андреевка, Николаевка и др.⁴ Первые русские крестьянские селения возникли в Южно-Уссурийском округе в 1861 г.⁵, в течение первой половины 60-х гг. появились такие русские селения, как Фудин, Владимировка, Александровка, Шкотово, Турий Рог. Однако до начала массовой крестьянской колонизации, сопровождавшейся основанием множества селений в Уссурийском крае, соседство русских крестьян и корейцев было очень условным: они жили в достаточно удалённых друг от друга селениях и не испытывали необходимости в общении. Таким образом, первые два десятка лет русский и корейский колонизационные потоки развивались практически независимо на одной и той же территории.

Переход отношений на новый уровень в первую очередь был связан с двумя основными предпосылками: демографической – уплотнением населения Южно-Уссурийского края, состоящего в немалой степени из крестьян и корейцев; экономической – взаимной заинтересованностью сторон в освоении земельных наделов крестьянских обществ.

Оценивая соотношение людности изучаемых общностей, следует отметить численное преобладание корейцев на большем протяжении XIX в. Отчасти сглаживало это обстоятельство то, что корейцы предпочитали селиться в Посъетском районе, а русские занимали гораздо большие территории, хотя в Посъетском районе их было незначительное количество. Доля крестьян и корейцев, а также взаимное соотношение численности этих групп представлены в таблице 1.

¹ Пак Б. Д. 140 лет в России. Очерк истории российских корейцев / Б. Д. Пак, Н. Ф. Бугай. – М.: Институт востоковедения РАН, 2004. – С. 28 – 33.

² История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. – 1917 г.) / А. Р. Артемьев и др. – М.: Наука, 1990. – С. 232.

³ Пак Б. Д. Указ. соч. С. 22.

⁴ Там же. С. 33.

⁵ История Дальнего Востока СССР. С. 232.

Таблица 1.

Соотношение количества корейцев и русских крестьян в Южно-Уссурийском округе во второй половине XIX – начале XX вв.

Годы	По району, чел.	Корейцы		Русские крестьяне		На одного крестьянина приходится корейцев
		Σ, чел.	% от населения	Σ, чел.	% от населения	
1868*	3060	1937	63,30	1123	36,70	1,72
1882/83	92708	10137	10,93	8385	9,04	1,21
1897**	124830	23911	19,15	29866	23,93	0,80
1907*	162000	71643	44,22	77022	47,54	0,93

* земледельческое население

** в целом по области; однако за пределами Южно-Уссурийского округа корейцы в это время не проживали.

Таблица составлена на основании источников: Корейцы на Российском Дальнем Востоке (вт. пол. XIX – нач. XX вв.): документы и материалы в 2-х кн. Книга 1. – Владивосток, 2004. – С. 33; Петров А. И. Корейская диаспора на Дальнем Востоке России. 60 – 90-е годы XIX века. – Владивосток, 2000. – С. 90; Кюннер Н. В. Корейцы в Дальневосточном Крае // Этнографическое обозрение. 2004, №4. – С. 82; История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. – февраль 1917 г.). – М., 1991. – С. 224; Первая всеобщая перепись населения Российской Империи, 1897. LXXVI. Приморская область. Тетрадь I. 1899. С. 40 – 43; Кабузан В. М. Дальневосточный край в XVII – начале XX вв. (1640 – 1917): историко-демографический очерк. – М.: Наука, 1985. – С. 242 – 253; РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 566. Л. 28 об.

На примере приведённых данных можно видеть динамику изменения соотношения корейцев и крестьян как основных категорий земледельческого населения. Следует помнить, что таблица составлена по официальным данным, реальное количество корейцев могло быть гораздо больше, поскольку они свободно переходили через границу, менялись паспортами с теми, кто покидал страну¹, поэтому точное установление числа корейцев для русской администрации было вопросом практически неразрешимым. Соотношение количества представителей этих групп имеет значение при сопоставлении с данными о землеобеспеченности.

Основания второй, экономической, предпосылки видятся в статусе взаимодействующих сторон: русские крестьяне обладали – в отличие от всех корейцев до середины 90-х годов, а в период от второй половины 90-х до 1923 года в отличие от массы корейцев – правом на владение или распоряжение землей.

¹ РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 59. Л. 9 об.

В соответствии с "Правилами для поселения русских и иностранцев в Амурской и Приморской областях Восточной Сибири" от 27 апреля 1861 года предполагалось, что указанные земли могут заселяться как отдельными семьями, так и целыми обществами¹. При этом размер обществ устанавливался не менее чем в 15 семей, норма наделения землёй – до 100 десятин на семью². Помимо этого, закон позволял свободный выбор мест вселения, провозглашая право пользования землёй первому, заявившему о своём желании³. Приоритет в заселении отдавался прибрежным землям и, судя по описанию в тексте закона, Южно-Уссурийскому краю⁴. Из литературных⁵ и архивных⁶ источников известно, что минимальная (душевая) норма наделения землёй составляла 15 десятин, а максимальная (семейная) – 100.

Несмотря на то что корейцы были приняты в России с заботой, а значит, могли рассчитывать на положение здесь, их статус первые двадцать лет не был определён вообще, они реализовали права иностранцев в Приамурье, а власть была готова дать им права крестьян⁷ (что влекло за собой право на 100-десятинный семейный надел), но вплоть до 90-х годов их права оставались в неопределённом состоянии. В результате позитивного русско-корейского договора 1884 г. и других соглашений появилась возможность определить и статус корейцев в России. Таковой они получили в середине 90-х гг. Наделение землёй происходило в 1897 – 1898 гг. Корейцы, проживающие на территории России, были разделены на две группы. Представители одной имели право на получение русского подданства и всех соответствующих прав, представителям же другой было предложено оставить оседлость и покинуть страну⁸. Корейцы получили право на душевой надел, максимальный размер которого составлял 15 десятин. Таким образом, корейцы стали первопроходцами новых норм наделения землёй, спроектированных ещё в 1882 г.⁹, но введённых для русских переселенцев только в 1901 г.¹⁰ Важным моментом в данном случае является то, что однажды получив землю, русско-подданные корейцы уже не могли официально расширить свои угодья¹¹. При необходимости в расширении сельскохозяйственно-

¹ Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточною Сибирью. Т. VIII. Ч. II-я. – Иркутск: б. и., 1884. С. 192.

² Там же.

³ Там же. С. 195.

⁴ Там же. С. 196.

⁵ Буссе Ф. Ф. Переселение крестьян морем в Южно-Уссурийский край в 1883 – 1893 годах / Ф. Ф. Буссе. – СПб.: б. и., 1896. – С. 33.

⁶ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 112. Л. 8.

⁷ Петров. С. 96.

⁸ Там же. С. 106, 112 – 116.

⁹ Меньшиков А. Материалы по обследованию крестьянских хозяйств Приморской области. Старожилы-стодесятичники. Том III (текст). – С. 79.

¹⁰ История Дальнего Востока СССР. – С. 320.

¹¹ Журнал совещания по вопросам, касающимся колонизации дальневосточных областей, образованного в 1908 году в г. Хабаровске, при участии Высочайше командированного на Дальний Восток товарища главноуправляющего землеустройством и земледелием, сенатора Иваницкаго / Иваницкий, П. Ф. Унтербергер. – СПб.: б. и., 1908. С. 174 – 175.

го производства им пришлось обращаться к тем, у кого земля была в избытке. Одной из землеобеспеченных групп дальневосточного населения и было русское крестьянство, особенно та его часть, которая была наделена по 100-десятичной семейной норме.

Статус крестьянства на Дальнем Востоке был достаточно высок, возможно, отчасти по причине предприимчивости и зажиточности его с определённого периода, не сравнимого с предприимчивостью и зажиточностью массы крестьян, скажем в Европейской части страны. При сопоставлении некоторых документов складывается представление о том, что русское крестьянство являлось одной из немногих социальных групп, которой не было необходимости доказывать своё право на землю. Так, при исполнении должностных обязанностей землемеры в первую очередь должны были заниматься отводом именно крестьянских переселенческих земель¹. Кроме того, известна практика поселения русских крестьян на наделы китайцев, без законных оснований занимающих те или иные участки². Разработанная пашня была в чести у русских и переселенцы зачастую не отказывали себе воспользоваться этим правом при и без того достаточной площади пустующих земель. Наконец, при выяснении нюансов правил приобретения земельных угодий в собственность приморские чиновники выдвинули версию, вытекающую из существовавших в дореволюционное время норм, сводящуюся к тому, что "эти льготы относительно приобретения в собственность участков казенной земли и получения на оныя данных касается только сельских переселенцев, т. е. сословия податного"³. Естественно, что такое право имели не только крестьяне, однако показателен сам подход управленца к толкованию законов.

Так же, как и корейцы, крестьяне первоначально не были стеснены в выборе мест для поселения и в разработке наделов, тем более что 100-десятичный участок первоначально казался бескрайним. Формальное наделение землёй крестьянских обществ началось только с 70-х гг.⁴, но и после этого крестьяне оставались при большой земельной свободе, поскольку общинный надел формировался с запасом, имея в виду приселение новых семей⁵. Для 1913 – 1915 гг. имеются данные о землевладении в Приморской области, в соответствии с которыми во владении крестьянства было 3963108 десятин земли (в том числе 1374408 десятин. у старожилов), а во владении корейцев – 31830 десятин⁶, то есть разница достигала двух порядков, соотношение численно-

¹ ГАПК. Ф. 1 (дореволюционный). Оп. 1. Д. 2. Л. 11; Д. 3. Л. 37.

² Буссе Ф. Ф. Указ. соч. С 34.

³ РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 1083. Л. 20 – 20 об.

⁴ Осипов Ю. Н. Крестьяне-старожилы Дальнего Востока России 1855 – 1917 гг. / Ю. Н. Осипов. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2006. С. 70.

⁵ Например, в середине 90-х годов в Астраханке на 39 семей приходился надел, рассчитанный на 210 семей. См.: Крюков Н. А. Опыт описания землепользования у крестьян-переселенцев Амурской и Приморской областей / Н. А. Крюков / Записки Приамурского отдела Русского Императорского Географического общества. Том II. Выпуск II. – М.: б. и., 1896. С. 53 – 54.

⁶ История Дальнего Востока СССР. С. 320.

сти же было совсем иным (см. табл. 1). В 1923 году соотношение землевладения крестьян и корейцев изменилось: у крестьян в целом было около 3193881 десятин, а у корейцев и туземцев – 64622 десятины¹. Несмотря на удвоение корейских земель и сокращение крестьянских, землеобеспеченность корейцев остаётся неудовлетворительной: на начало 1925 года из 21199 корейских семей обладали наделом только 2442, а также ок. 2000 не нуждались в земле вовсе².

Таким образом, в XIX в. русское крестьянство на Дальнем Востоке имело в распоряжении значительное количество земель, освоить которые оно в ближайшей перспективе не могло. В условиях быстрого нарастания количества безземельных корейцев крестьяне могли предоставить им землю, что и случилось, надо полагать, уже в 70-е годы, но получило широкое распространение на рубеже XIX и XX веков, а также в последующее время.

В литературе уже отмечен факт соответствия первых корейских переселений в пределы России указанным "Правилам..."³. Этот факт, а также объективные условия колонизации Приамурья, позволял местной администрации благожелательно относиться к корейцам: "до 1884 г. корейцы считались русскими подданными по всей совокупности их отношений с Россией и, прежде всего, по факту их водворения в Российской империи"⁴. Тем не менее, можно отметить некоторые черты, разнящие корейскую и русскую крестьянскую колонизацию, а также политику властей в отношении этих групп населения. Не вдаваясь в излишние подробности, отмечу, что власть колебалась в своём отношении к корейцам как "колониционному элементу".

В дореволюционное время официальные лица возлагали на них надежды как на некитайское, трудолюбивое и лояльное население, способное прокормить себя и других⁵; эксперты указывали на ограниченные возможности корейского земледелия и ассимиляции корейцев в России⁶, то есть на слабые места корейской колонизации. В зависимости от успехов сельскохозяйственного освоения региона, хода его заселения, внешнеполитических условий корейцы представляли то средством решения вопросов принципиальной важности, то балластом, а то и опасностью русскому делу на Дальнем Востоке.

С установлением советской власти взгляд на корейцев претерпевает некоторые изменения. Во-первых, политика центра перестаёт быть однозначно прорусской: за другими народами признаются такие же права, что и за титульной нацией РСФСР. Во-вторых, изменяется социальная политика: эксплуатация человека человеком признаётся безнравственной и незаконной.

¹ ГАПК. Ф. Р-1506. Оп. 1. Д. 7. Л. 2.

² ГАПК. Ф. 482. Оп. 1. Д. 2. Л. 7.

³ Петров А. И. Корейская диаспора на Дальнем Востоке России. 60 – 90-е гг. XIX века / А. И. Петров. – Владивосток: ДВО РАН, 2000. – С. 82.

⁴ Там же. С. 100.

⁵ Пак Б. Д. Указ. соч. С. 21 – 22.

⁶ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 21. Л. 5 об.; Надаров И. Второй Хабаровский съезд 1886 г. / И. Надаров. – Владивосток: б. и., 1886. – С. 20.

Вместе с тем, геополитическая обстановка на Дальнем Востоке не изменяется, а значит соперничество с Японией и Китаем остаются. Это осложняет отношение власти к корейцам, очень плотно заселившим южную оконечность Дальневосточного Края.

В связи с изменениями в социальной политике в практику землепользования вводится трудовая норма наделения землёй, конкретная величина которой зависела от условий района. Для русских земледельцев трудовая норма была определена в размере от 36 до 25 десятин, для корейцев – 15 десятин¹. При этом, как водится, был установлен в основном потолок. Конкретные же размеры надела для корейцев могли колебаться от 8 до 15 дес.² Ещё в дореволюционное время было широкое распространение корейской аренды в среде крестьянства и существование отдельных хозяйств и целых обществ, не имеющих собственной запашки, но пользующихся услугами арендаторов. На почве трудового принципа наделения землёй между крестьянами, желающими вернуть себе свои земли, и корейцами-арендаторами, желающими получить во владение земли, которые они обрабатывают, возникают споры и даже столкновения³. Несмотря на то, что земельная основа конфликтов была снята на рубеже 20 – 30-х гг. коллективизацией, напряжённость в отношениях сохранилась до самого выселения корейцев в 1937 г.⁴

Взаимодействие русских крестьян и корейских переселенцев на юге Дальнего Востока имело совсем не случайный характер. Можно сказать, что эти две группы населения дополняли друг друга по многим характеристикам, причём в разное время эти характеристики имели разное сочетание. Изначально, в 60-е годы, русская администрация смотрела благосклонно на корейцев, видя в них эффективных колонизаторов пустующих земель, однако на протяжении 80-х годов отношение к ним менялось. До середины-конца 90-х годов XIX века корейцы могли относительно свободно занимать подходящие им земли, однако после определения статуса корейской общины этот процесс был приостановлен, а в начале XX века корейцы по степени опасности были почти приравнены к китайцам. Революция в России придала новый импульс эмансипации корейцев на русском Дальнем Востоке, однако это привело к обострению отношений с русскими по причине конкуренции за землю. Политика коллективизации снимает проблему землеобеспеченности и корейцев, и русских, что, наверное, переводит отношения этих групп в иную плоскость, лишив их прежней основы.

¹ ГАПК. Ф. Р-1506. Оп. 1. Д. 7. Л. 12.

² Там же. Л. 12 об.

³ ГАПК. Ф. 482. Оп. 1. Д. 13. Л. 63 – 63 об., 67.

⁴ Бэ Ын Гиенг. Краткий очерк истории советских корейцев (1922 – 1938 гг.) / Бэ Ын Гиенг. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. – С. 47.